

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

№ 9.

НОЯБРЬ

1915.



ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1915.

ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ ЛАВРЕНТЬЕВИЧА ИСАЧЕНКО.

3-го минувшаго октября скончался сенаторъ, докторъ гражданскаго права В. Л. Исаченко.

Покойный родился въ 1839 году. Происходя изъ бѣдной купеческой семьи маленькаго заштатнаго города Черниговской губерніи Почепъ, онъ до послѣднихъ лѣтъ сохранялъ благоговѣйную память къ своему отцу. Семья отца была большая, и внѣшнія условія жизни дѣтей были очень тяжелыя. Едва научившись грамотѣ, В. Л. былъ отданъ мальчикомъ въ лавку въ томъ же Почепѣ, а затѣмъ сталъ приказчикомъ, и до 23 лѣтъ дальше сосѣдняго уѣзднаго города Трубчевска, куда его посылали по дѣламъ, не отлучался. Почепъ былъ городишко маленькій, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, вдали отъ крупныхъ центровъ, и интеллигенціи въ немъ не было совершенно. И тѣмъ не менѣе въ душѣ молодого В. Л. растетъ страсть къ знаніямъ. Путемъ разспросовъ случайно проѣзжавшихъ черезъ городъ студентовъ онъ узнаетъ о требованіяхъ, необходимыхъ для поступленія въ университетъ, на послѣднія деньги добываетъ книги и самоучкой готовится къ университетскому экзамену. „Мы учились на мѣдныя деньги“,—часто повторялъ В. Л. Своей жаждой знаній онъ заразилъ и младшаго своего брата, и оба, скопивъ по 12 рублей, весной 1862 года оставляютъ родной Почепъ, чтобы пріѣхать въ Петроградъ и здѣсь по выдержаніи экзамена поступить въ университетъ.

Отецъ В. Л. былъ человекъ дѣтской чистоты съ идейными порывами и очень набожный, и потому В. Л. вынесъ сохранившееся до старости глубокое и прекрасное знаніе Священнаго Писанія,

житій святыхъ, богослуженія не только по главнымъ службамъ, но и въ мельчайшихъ подробностяхъ, со всѣми особенностями на самыя рѣдкія службы. Еще въ Почепѣ онъ, благодаря своей огромной памяти, справляясь каждый день по календарю, память какого святого празднуется, усвоилъ безъ всякаго труда и работы святцы и знаніе ихъ сохранилъ на всю жизнь. Онъ безошибочно называлъ святого, котораго поминаетъ церковь въ любой день и мѣсяць, и, даже лежа на смертномъ одрѣ, просилъ провѣрить, не ошибается ли онъ въ имени святыхъ, празднуемыхъ въ эти послѣдніе дни его жизни. Часто среди разговора онъ въ послѣдніе годы останавливалъ собесѣдника и спрашивалъ, не въ такой-то ли день тотъ празднуетъ свои именины. Уже позднѣе, въ бытность его товарищемъ предсѣдателя въ Минскѣ, ему пришлось познакомиться почти со всѣми представителями духовенства города, и, по словамъ ихъ, не было знатока богослуженія и Писанія лучше В. Л. Свою любовь къ Писанію онъ проявилъ между прочимъ тѣмъ, что, написавъ нѣсколько стихотвореній на темы Священнаго Писанія для сборника, изданнаго въ Минскѣ, онъ затѣмъ написалъ цѣлую поэмю въ стихахъ изъ жизни Апостола Павла, сохранившуюся среди его бумагъ.

По прїѣздѣ въ Петроградъ молодой Исаченко поступаетъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета и, зарабатывая себѣ уроками существованіе, съ жаромъ принимается за науку. Но здѣсь ему приходится сталкиваться съ интеллигенціей, и онъ видитъ, что знаній его недостаточно. Между прочимъ ему приходится убѣдиться, что сосѣди его, офицеры, слушатели Академіи Генеральнаго Штаба, чрезвычайно образованные люди, съ интересомъ слѣдящіе за современностью; неподготовленность В. Л. задѣваетъ его, и онъ весь отдается пополненію своего образованія, занимается исторіей, философіей, не оставляя однако и занятій математикой и естественными науками. Уже въ 1865 году онъ студентомъ издаетъ книгу „Основы высшей ариметики“.

Окончивъ университетъ и совершивъ продолжительное путешествіе по Европѣ, В. Л. назначается преподавателемъ въ Минскую классическую гимназію и переѣзжаетъ въ этотъ городъ, въ которомъ протекло 33 года его жизни. Здѣсь онъ съ такою любовью отдается педагогической дѣятельности, что до старости съ большою радостью встрѣчалъ своихъ бывшихъ учениковъ и стремился поддерживать съ ними отношенія. Въ Минскѣ В. Л. застаётъ разноплеменный составъ населенія, незалѣченные слѣды

польскаго возстанія 1863 года, но среди враждебныхъ отношеній разныхъ слоевъ населенія онъ не теряется, и высокая терпимость отличаетъ его съ первыхъ шаговъ. Педагогическая дѣятельность кажется ему узкой, на ряду съ учительствомъ онъ занимаетъ мѣсто члена педагогическаго комитета и здѣсь ближе соприкасается съ нуждами края. И, когда въ 1871 году вводятся въ Минской губерніи мировые судьи, онъ не задумывается перейти на службу по Министерству Юстиціи и съ удовольствіемъ беретъ камеру въ глухомъ уѣздномъ городѣ Игуменѣ, гдѣ весь досугъ посвящаетъ изученію права, преимущественно гражданскаго. Познакомившись еще въ Петроградѣ съ Павленковымъ и поддерживая съ нимъ отношенія, В. Л. выписываетъ книгу за книгой и, не довольствуясь изученіемъ небогатой тогда литературы по русскому гражданскому праву, обращается къ изученію римскаго права по нѣмецкимъ научнымъ трудамъ: Пухта, Виндшейдъ, Гудсмитъ, Марцоль, Бюловъ становятся его настольными книгами. Но этимъ онъ не довольствуется,—его привлекаютъ и спеціальныя законодательства: прусскій ландрехтъ, саксеншпигель, кодексъ максимиліанеумъ баварicumъ и т. п. Всѣ эти книги въ старинныхъ переплетахъ хранятся въ библиотекѣ В. Л. и испещрены его помѣтками. Для того, чтобы быть въ курсѣ сенатской практики, онъ тогда же прибѣгаетъ къ системѣ, которая черезъ 40 лѣтъ дала ему возможность выпустить капитальные „Своды кассационной практики“: изучая каждое рѣшеніе Сената, онъ немедленно извлекаетъ надлежащій тезисъ и, располагая эти тезисы въ какомъ-то особомъ, не алфавитномъ порядкѣ, заноситъ въ заведенную для того книгу.

Вскорѣ В. Л. приглашаютъ для участія въ ревизіи старыхъ судебныхъ мѣстъ Виленскаго округа. Онъ объѣзжаетъ край, присматривается съ дѣятельности палатъ гражданскаго и уголовнаго суда и навсегда становится ревностнымъ поклонникомъ Судебныхъ Уставовъ, дрожа надъ каждою ихъ буквою и не радуясь новелламъ даже тогда, когда онѣ казались ему полезными и нужными.

Немедленно послѣ ревизіи В. Л. назначается членомъ Екатеринославскаго окружнаго суда и на два года оставляетъ Минскъ. Но и въ новой должности онъ продолжаетъ свои теоретическія занятія и рядомъ съ судейскою дѣятельностью ревностно беретъ за организацію библиотеки суда; работа его оказывается настолько новой и плодотворной, что заслуги его въ этомъ отношеніи сразу получаютъ признаніе и оцѣнку, и В. Л. внѣ очереди получаетъ

орденъ Владиміра 4-ой степени. Въ это время въ Петроградѣ образована была комиссія для составленія гражданскаго уложенія, и Екатеринославскій окружный судъ, гдѣ сослуживцами В. Л. являлись просвѣщенные судьи—предсѣдатель Лего и товарищъ предсѣдателя Нѣмыскій, откликается на призывъ комиссія и посылаетъ въ комиссію обильныя замѣчанія о недостаткахъ нашихъ гражданскихъ законовъ. Но и лично отъ себя В. Л. работаетъ для будущаго уложенія, и въ „Сводѣ замѣчаній о недостаткахъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ“, изданномъ, въ качествѣ матеріаловъ, комиссіей по составленію гражданскаго уложенія, напечатано свыше 40 отзывовъ лично В. Л., не считая отзывовъ состава суда. Изъ этихъ отзывовъ видно, насколько далеко пошла теоретическая подготовка молодого судьи, математика по образованию: свидѣтельствуя о серьезномъ знакомствѣ съ теоретическими изслѣдованіями европейскихъ ученыхъ и съ мѣстными узаконеніями польскаго и балтійскаго права, замѣчанія его въ то же время обнаруживаютъ уже вдумчиваго, чуткаго судью и поражаютъ своей разносторонностью: опека, семейное право, вещныя отношенія, наслѣдованіе, завѣщанія, обязательства,—все одинаково захватываетъ В. Л., и по каждому вопросу онъ откликается. Работы эти, а также и теоретическія изслѣдованія, толкаютъ его на путь литературной дѣятельности, и уже въ Екатеринославѣ онъ пишетъ рядъ статей для юридическихъ журналовъ: „Полицейское засвидѣтельствованіе подписи за безграмотныхъ“ (Юрид. Вѣстн. 1881 г., кн. 5), „О задаткѣ“ (тамъ же, кн. 9), „Лица въ договорѣ: несовершеннолѣтнія и душевнобольныя“ (тамъ же, 1882 г., кн. 8 и 1883 г., кн. 6—7), „Наши спеціальныя законы“ (Судебная Газета № 2), „Эмфитевзисъ въ Россіи“ (тамъ же, 1883 г., № 12). И если первыя работы являются откликомъ на практическія затрудненія судьи, то послѣднія свидѣлствуютъ уже о стремленіи къ самостоятельному изслѣдованію.

Въ 1883 году В. Л. переводится на должность члена вновь учреждаемаго Минскаго окружнаго суда. Назначеніе это состоялось еще до фактическаго образованія самаго суда, и все оборудованіе будущаго гражданскаго отдѣленія было возложено на него. Онъ горячо взялся за это дѣло и съ такой любовью къ нему относился, что въ созданномъ имъ гражданскомъ отдѣленіи въ значительной мѣрѣ осуществилась задача законодателя создать судъ близкій и доступный населенію. Василия Лаврентьевича, какъ судью, знала вся губернія, и, когда онъ шелъ по городу, не было

человѣка, который бы ему не поклонился,—это даже утомляло покойнаго. 10-тилѣтняя работа въ этомъ судѣ была вознаграждена по заслугамъ: празднованіе 10-тилѣтія Минскаго окружнаго суда превратилось въ Минскѣ въ чествованіе Василия Лаврентьевича, и въ обращенной къ нему рѣчи на этомъ юбилей старѣйшій представитель мѣстной адвокатуры Лихтерманъ въ такихъ выраженіяхъ привѣтствовалъ его: „Когда я вижу Васъ на судейскомъ креслѣ,—я вижу жениха, влюбленнаго въ свою невесту, любящаго каждую улыбку ея, любящагося каждымъ жестомъ ея, и радость отъ счастья Вашего наполняетъ и мое сердце радостью“. Какъ всеѣмъ намъ извѣстно, эта влюбленность жениха сохранилась у Василия Лаврентьевича до послѣднихъ его дней.

Но и здѣсь сказывается присущая Василию Лаврентьевичу неудовлетворенность однимъ видомъ дѣятельности: упорно работая въ гражданскомъ отдѣленіи суда, совершая выѣзды для повѣрочныхъ дѣйствій по огромной губерніи, лишенной тогда желѣзныхъ дорогъ, В. Л. не только продолжаетъ сотрудничать въ юридическихъ изданіяхъ, но, въ качествѣ домовладѣльца, избирается въ гласные городской думы. Его терпимость, уваженіе ко всеѣмъ національностямъ въ краѣ, гдѣ отношенія были сильно обострены, создаютъ ему широкую популярность: онъ дѣятельно работаетъ на пользу благоустройства города, состоитъ членомъ разныхъ исполнительныхъ комиссій, близкое участіе принимаетъ въ вопросахъ просвѣщенія, постройки большого театра и т. п.

Громадная память позволяетъ ему систематизировать свои судейскія наблюденія и впечатлѣнія, и въ 1890 году онъ приступаетъ къ изданію своего шеститомнаго комментарія „Гражданскій процессъ“. Всегда чуждый рекламы, онъ стѣсняется печатать публикаціи о вышедшей книгѣ въ газетахъ и ограничивается разсылкою по адресамъ, указаннымъ въ Юридическомъ календарѣ, печатныхъ извѣщеній о выходѣ книги. Сослуживцы встрѣчаютъ книгу безъ особыхъ привѣтствій: „если бы намъ все это сказалъ Сенатъ, тогда книга имѣла бы цѣну“. Но книга получаетъ спросъ, и это окрыляетъ его. Сослуживцы пророчатъ, что В. Л. не сможетъ довести до конца столь огромнаго труда,—это даетъ ему новое упорство въ работѣ, и книга, изданная гдѣ-то въ Минскѣ, безъ фирмы, безъ рекламы, даже безъ особенно сочувствующихъ отзывовъ прессы, получаетъ широкую извѣстность, и имя В. Л. знаютъ уже не только въ Минскѣ. Министръ Юстиціи Муравьевъ заинтересовался провинціальнымъ судьей-писателемъ, выписываетъ

для ознакомленія книгу, а вслѣдъ за тѣмъ въ 1897 году вызываетъ В. Л. и для участія въ комиссiи для пересмотра Судебныхъ Уставовъ, гдѣ В. Л. работаетъ надъ вопросами по исполненiю рѣшенiй. Его трудоспособность побуждаетъ перевести его товарищемъ председателя въ крайне обремененный дѣлами Московскiй окружный судъ, и въ два года съ 1899 по 1901 годъ В. Л. очищаетъ свое гражданское отдѣленiе отъ залежей дѣлъ, не оставляя однако своей литературной дѣятельности и выпуская все новыя и новыя книги.

Въ 1901 году В. Л. назначается на должность товарища оберъ-прокурора Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, напутствуемый въ Москвѣ самыми лучшими пожеланiями: имя его ставится рядомъ съ именемъ кристальной чистоты—съ именемъ товарища председателя Сумбула.

Новая работа по дачѣ заключенiй сразу охватываетъ Василя Лаврентьевича, и съ весны, все лѣто, онъ остается безвыѣздно въ Петроградѣ, читая дѣла и подготавливая свои заключенiя. Онъ сразу заготавливаетъ запасъ дѣлъ на полгода впередъ, и эта норма готовыхъ дѣлъ остается на все время неизмѣнной: въ дальнѣйшемъ текущая работа послѣ каждого засѣданiя есть подготовка дѣлъ, которыя могутъ быть назначены лишь черезъ полгода. Громадная память позволяетъ ему удерживать въ головѣ всѣ мельчайшия подробности каждого дѣла, и, когда наступаетъ срокъ слушанiя дѣла, ему достаточно бѣглого просмотра, чтобы во всеоружii явиться въ засѣданiе. Но онъ не считаетъ себя связаннымъ заготовленнымъ проектомъ,—иногда докладъ дѣла сенаторомъ представляетъ ему вопросъ въ новомъ видѣ, и онъ тутъ же мѣняетъ свое заключенiе. Объясненiя сторонъ въ Сенатѣ, первоначально казавшияся ему излишними при системѣ предварительной подготовки проектовъ товарищемъ оберъ-прокурора и сенаторомъ-докладчикомъ, все больше кажутся ему необходимыми, и выступленiе въ Сенатѣ повѣренныхъ онъ начинаетъ считать не менѣе важнымъ, чѣмъ въ инстанцiяхъ по существу. Освѣщенiе дѣла стороною способствуетъ, по его мнѣнiю, всесторонности изслѣдованiя; онъ внимательно выслушиваетъ объясненiя, и его заключенiе является не повторенiемъ писаннаго проекта, а живымъ отвѣтомъ съ критикой или углубленiемъ рѣчи повѣреннаго.

Всегда задумывавшiйся надъ причинами судебной волокиты, чему вполнѣ въ 1911 г. была посвящена особая статья въ „Правѣ“ (стр. 1258), В. Л. трудно мирится съ тѣмъ, что въ Се-

натѣ, до увеличенiя штата Гражданскаго Кассационнаго Департамента, остатокъ нерѣшенныхъ дѣлъ, достигавшiй иногда внушительной цифры—12 тысячъ, обуславливалъ собою чрезвычайную медленность, такъ что нѣкоторыя дѣла слушались черезъ два-три года по поступленiю, и онъ всячески шелъ навстрѣчу каждой просьбѣ стороны объ ускоренiи слушанiя дѣла. Слухъ объ этомъ быстро распространился, и отовсюду стали поступать просьбы объ ускоренномъ назначенiи дѣлъ. И просьбъ этихъ было столько, что и имъ пришлось установить очередь. И вотъ по столу В. Л. дѣла назначаются по двумъ спискамъ—по очередному порядковому и по очередному—дѣлъ вѣбочердныхъ.

Приближенiе къ Правительствующему Сенату, по адресу котораго было сказано въ трудахъ В. Л. не одно горькое слово, заставляетъ его возможно ближе стать къ сенатской работѣ, войти въ самую гущу ея, участвовать въ творческой работѣ Сената—въ департаментскихъ рѣшенiяхъ Сената. Извѣстно, какъ тщательно подготавливаются дѣла къ департаментскимъ засѣданiямъ: составляется печатная записка съ приведенiемъ не только обстоятельствъ дѣла и заключенiя товарища оберъ-прокурора, но и со всѣмъ законодательнымъ матеріаломъ и подходящими рѣшенiями Сената. Назначается совѣщательное засѣданiе оберъ-прокурорскаго надзора, гдѣ дѣло подвергается тщательному обсужденiю и гдѣ давшiй заключенiе товарищъ оберъ-прокурора имѣетъ возможность подчеркнуть и про и contra для своего заключенiя. Затѣмъ дѣло вносится въ совѣщательное засѣданiе сенаторовъ, и лишь послѣ продолжительныхъ, до поздняго вечера дебатовъ, оно поступаетъ въ судебное засѣданiе, гдѣ совѣщанiе сенаторовъ иной разъ снова длится долго. И В. Л. не пропускаетъ ни одного совѣщательнаго засѣданiя оберъ-прокурорскаго надзора. Онъ требуетъ, чтобы въ эти дни засѣданiй (субботы) его не назначали въ судебное засѣданiе, и является въ совѣщанiе вполнѣ подготовленнымъ къ дѣламъ, по которымъ даютъ заключенiя другiе товарищи оберъ-прокурора. Онъ принимаетъ самое дѣятельное участiе въ совѣщанiи, говоритъ и выступаетъ по каждому дѣлу, но и на этомъ не успокоивается. Его заботитъ судьба дѣла, и въ качествѣ простаго слушателя онъ идетъ въ совѣщательное засѣданiе сенаторовъ и здѣсь прислушивается къ пренiямъ. Исключенiемъ являлись лишь желѣзнодорожныя дѣла, которыхъ В. Л. не любилъ и которыми не занимался (впрочемъ, и по желѣзнодорожному праву есть одно его руководящее рѣшенiе—1910 г. № 94 по дѣлу Туль-

чинскихъ). Его дѣятельность въ совѣщательныхъ засѣданіяхъ, постоянная подготовка къ департаментскимъ дѣламъ обращаютъ на себя вниманіе, и нерѣдко его заключеніе печатается въ запискѣ рядомъ съ заключеніемъ товарища оберъ-прокурора, имѣющаго участвовать въ засѣданіи. И никогда это не приводило къ нежелательнымъ треніямъ.

Съ 1901 года занимая мѣсто товарища оберъ-прокурора, В. Л. своею работою по службѣ стремился ревниво оберегать авторитетъ Сената: если ему казалось, что предстоящее департаментское разъясненіе окажется неправильнымъ, онъ всячески стремился помѣшать Сенату стать на неправильную точку зрѣнія и дѣлалъ все, чтобы убѣдить большинство въ свою пользу. Уже въ февралѣ 1902 г. для него было истиннымъ праздникомъ, что Сенатъ отказался отъ своего взгляда на непримѣнимость давности къ церковнымъ землямъ и рѣшеніемъ 1902 г. № 2 отмѣнилъ знаменитое рѣшеніе С. В. Пахмана 1893 г. № 2. Въ 1903 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ В. Л. пришлось давать заключеніе въ департаментѣ по дѣлу де-Клермонъ-Тоннеръ съ Катуаръ-де-Бюнкуръ, гдѣ возбуждался вопросъ о примѣнимости конфликтной нормы *locus regit actum* къ духовнымъ завѣщаніямъ: дѣйствительно-ли въ Россіи олографическое духовное завѣщаніе французскаго гражданина о родовой недвижимости его, въ Россіи находящейся? В. Л. находилъ, что разрѣшеніе вопроса въ отрицательномъ смыслѣ по своей неправильности могло бы дискредитировать Правительствующій Сенатъ не только въ предѣлахъ отечества, но и въ Европѣ, и возбудить сомнѣніе въ томъ, что въ Россіи суды стоятъ на надлежащей высотѣ пониманія основъ международнаго права. Онъ изучилъ безчисленное множество источниковъ, просмотрѣлъ цѣлый рядъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій по международному праву и, невзирая на то, что сенаторъ-докладчикъ былъ согласенъ съ его заключеніемъ, такъ волновался за исходъ рѣшенія вопроса, что, давая пространное заключеніе въ совѣщательномъ засѣданіи сенаторовъ, почувствовалъ себя дурно. На другой день, въ судебномъ засѣданіи, его заключеніе, по всесторонности изслѣдованія вопроса, по глубинѣ, съ которой охвачены были источники, и по темпераменту, съ какимъ оно было произнесено, явилось блестящимъ завершеніемъ рѣчей такихъ корифеевъ живого слова, какъ Пасюверъ и Муромцевъ. Однако въ судебномъ засѣданіи у нѣкоторыхъ сенаторовъ появились сомнѣнія, и объявленіе резолюціи откладывается, а вопросъ по существующему порядку вновь передается на вторичное

обсужденіе совѣщательнаго засѣданія сенаторовъ, назначеннаго на 10 февраля слѣдующаго года. В. Л. волнуется больше прежняго, онъ обращается съ письмами къ профессорамъ международнаго и гражданскаго права, и какова его радость, когда всѣ профессора даютъ отвѣты вполне согласные съ мнѣніемъ В. Л.! Отвѣтъ профессора М. Я. Пергамента появился уже послѣ объявленія резолюціи, въ большой статьѣ въ „Правѣ“ (1904 г. стр. 821), гдѣ указывается, что рѣшеніе вопроса въ духѣ В. Л. „къ счастью представляется правильнымъ, желательнымъ, отраднымъ и со стороны правнopolитической—съ точки зрѣнія юридической солидарности между государствами, идеи международнаго общенія и сближенія“. Послѣ новаго заключенія В. Л. большинство снова оказывается на сторонѣ В. Л., и рѣшеніе Сената оказывается на высотѣ научныхъ и международныхъ требованій. Въ помѣщенномъ въ сборникѣ рѣшеніи по этому дѣлу чувствуется его наглядный стиль и категорическая манера выразаться.

Невзирая на огромный трудъ, связанный съ должностью товарища оберъ-прокурора, В. Л. не только не оставляетъ своихъ литературныхъ трудовъ,—напротивъ, эта его дѣятельность только углубляется, она получаетъ новый толчокъ. Не только работаетъ онъ надъ повтореніемъ и дополненіемъ прежнихъ изданій своихъ капитальныхъ трудовъ,—работа въ Сенатѣ вызываетъ къ жизни новыя книги. Вскорѣ послѣ переѣзда въ Петроградъ выходятъ „Основы гражданскаго процесса“, затѣмъ плодъ труднѣйшаго и внимательнаго просмотра всей кассационной практики—2 тома „Сборниковъ кассационныхъ положеній“ по матеріальнымъ и процессуальнымъ вопросамъ, „Мировой судъ“, „Особья производства“, и наконецъ 2 тома—„Обязательства по договорамъ“. Но, не прерывая систематической работы подготовки къ печати своихъ книгъ, В. Л. находитъ время откликаться и на текущіе вопросы судебной жизни, и одна за другою во всѣхъ юридическихъ журналахъ появляются его статьи, и притомъ не единичныя, а иногда въ одинъ день въ разныхъ журналахъ, сразу по двѣ статьи.

Нужно отвѣтить, что среди этихъ занятій не мало времени занимаетъ и трудъ отвѣтовъ на многочисленныя письма, которыя поступали къ В. Л. со всѣхъ концовъ Россіи, часто изъ слоевъ населенія даже малограмотнаго, съ просьбою разрѣшить тотъ или другой затруднительный вопросъ. И если къ письму приложена была почтовая марка на отвѣтъ, В. Л. не считалъ себя въ правѣ оставить просителя безъ совѣта и „присвоить“, какъ онъ говорилъ, марку.

День В. Л. въ Петроградѣ распредѣлялся очень своеобразно. Вставалъ онъ довольно рано, около 8 час., немедленно садился за столъ и, не разгибая спины, писалъ и писалъ до позднего вечера. Отрывался онъ только для бѣлаго просмотра газетъ, для завтрака и обѣда, которые съѣдалъ наскоро, боясь урвать отъ писанія лишнюю минуту. Только первый день Рождества и первые два дня Пасхи онъ не писалъ, и это было ему очень тяжело,— онъ считалъ себя обязаннымъ не писать въ эти дни, и этимъ тяготился. Всѣ остальные праздники мало чѣмъ отличались отъ будней. Въ дни засѣданій—и до выхода изъ дому, и немедленно по возвращеніи домой—онъ проводилъ у письменнаго стола. Отдыхомъ для него довольно часто служило обыкновеніе съ любовью обращаться къ своей специальности и рѣшать сложныя задачи на дифференціальное и интегральное исчисленіе. *Nulla dies sine linea* было не правиломъ В. Л., а тою стихіей, которою онъ жилъ, тѣмъ воздухомъ, которымъ дышалъ. Безъ писанія, безъ обдумыванія юридическихъ вооросовъ онъ жить не могъ. Единственнымъ для него интереснымъ разговоромъ было обсужденіе судебныхъ казусовъ,— онъ сразу оживлялся, соображенія сыпались за соображеніями, одинъ вопросъ влекъ другой, и казусъ сразу расширялся. Нужно отмѣтить, что В. Л. не любилъ отвлеченныхъ вопросовъ права— онъ требовалъ, чтобы казусъ былъ ему разсказанъ со всею подробностью, съ фамиліями участвующихъ, со всѣми жизненными подробностями и съ точнымъ текстомъ акта или договора. Онъ прежде всего искалъ въ казусѣ жизненную правду, прежде всего останавливался на стремленіи найти справедливость при разрѣшеніи вопроса, найти одинъ изъ тѣхъ непреложныхъ міровыхъ законовъ, которые получаютъ свое начало въ предвѣчной санкціи небесъ. „*Regeat mundus, fiat justitia*— парадоксальная поговорка, которую нынѣ нельзя не повторить не въ шутку и безъ улыбки“, говорилъ онъ въ Минскомъ судѣ. Часто случалось, что въ ближайшей его статьѣ или въ новомъ изданіи книги его собесѣдникъ вдругъ находилъ приведеннымъ тотъ казусъ, который когда-то излагалъ Василию Лаврентьевичу. Но въ какомъ новомъ видѣ онъ представлялъ передъ нимъ, точно разложенный математическимъ методомъ по формулѣ *combinaisons*—число сочетаній изъ m элементовъ по n ! Казусъ расширялся и разрастался, порождалъ цѣлый рядъ вопросовъ, задѣвая и разъясняя коренныя основы права и процесса.

Вопросы права жили въ представленіи В. Л. какою-то особою жизнью, они органически сливались въ одно цѣлое, каждый ин-

ститутъ имѣлъ свое самостоятельное и разумное существованіе въ общей системѣ правовой жизни. Это достигалось у него тѣмъ, что каждую статью закона онъ старался свести къ самоочевидной истинѣ—къ самой логикѣ вещей, проведя ее сквозь лабиринтъ жизненной казуистики, для которой у него были достаточный судейскій опытъ и огромное юридическое воображеніе. „Нужно искать“,—говоритъ онъ въ рѣчи, произнесенной по случаю 10-тилѣтнаго юбилея Минскаго окружнаго суда,— „не тотъ писанный законъ, который созданъ людьми для руководства людей же, а одинъ изъ тѣхъ непреложныхъ міровыхъ законовъ, которые получаютъ свое начало въ предвѣчной санкціи небесъ“.

„Альфа и омега въ дѣлѣ отправленія правосудія“,—говоритъ В. Л. въ статьѣ „Взаимодѣйствіе юридическихъ силъ, какъ залогъ успѣха судебной реформы“ (Вѣстн. Гражд. Права, 1914 г. кн. 7, стр. 37),— „есть выясненіе внутренняго разума закона, безъ чего никакой споръ о правѣ гражданскомъ не можетъ быть разрѣшенъ правильно“. И соотвѣтственно этому „главнѣйшая обязанность честнаго труженика-судьи—искать правду и проводить ее въ жизнь“. Насколько священна эта задача судьи, явствуетъ изъ сознанія высокаго происхожденія права, и, возвращаясь къ мысли, высказанной 20 лѣтъ тому назадъ въ цитированной выше юбилейной рѣчи, В. Л. подчеркиваетъ: „Въ мірѣ нѣтъ такого закона, который не являлся бы частицею той вѣчной правды и непреложной истины, которая сокрыта отъ насъ въ выси небесъ предвѣчною мудростью Божества, позволяющаго намъ сознать и ощущать бытіе этой правды, вѣчно стремиться къ ней, все болѣе и болѣе приближаться, но никогда не достигнуть ея. Это стремленіе впередъ безъ надежды когда-нибудь дойти до конца подобно стремленію математика вычислить истинное отношеніе окружности къ диаметру или опредѣлить точный квадратный корень числа ирраціональнаго“ (тамъ же, стр. 56).

Въ 1903 году по департаменту разсматривалось дѣло Солнцева съ Московскимъ городскимъ кредитнымъ обществомъ, гдѣ вопросъ шелъ о примѣнкости давности, предусмотрѣнной 1524 и 1525 ст. т. X ч. 1, къ оспариванію данныхъ крѣпостей. В. Л. такъ началъ свое заключеніе въ засѣданіи: „Ничто живое не можетъ безнаказанно терпѣть болѣзнь: самый простой нарывъ на тѣлѣ чловѣка, если не принять мѣръ предосторожности, грозитъ тяжкими послѣдствіями: нарывъ разрастется, гной разольется по всему тѣлу, и жизнь будетъ погублена. То же и въ граждан-

ской жизни—безхозяйное имущество, оставленное собственникомъ, вноситъ смуту въ гражданскія отношенія, создаетъ затрудненія въ правильномъ кровообращеніи имущественныхъ отношеній, и, если не найти корректива, послѣдствія такого разстройства неисчислимы; нельзя дать появившемуся нарыву разрастись и гною разлиться по всему организму: это достигается великимъ институтомъ давности, который все залѣчиваетъ, который больному мѣсту даетъ новую жизнь, прогнившее снова дѣлаетъ здоровымъ“.

Предотвращеніе смуты, неизвѣстности и неопредѣленности въ гражданскихъ отношеніяхъ въ связи съ интересами гражданского правооборота—вотъ тотъ краеугольный камень, къ которому сводилъ Василій Лаврентьевичъ и законы о предустановленныхъ доказательствахъ и которымъ онъ оправдывалъ допущеніе единичной неправды въ отношеніи лица, не озаботившагося облечь свои правоотношенія въ установленную въ законѣ форму.

Полагая въ основу рѣшенія дѣлъ законъ писанный, Василій Лаврентьевичъ въ то же время, при разрѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ, старался считаться и съ народными обычаями и народнымъ правосознаніемъ, какъ необходимыми источниками гражданскихъ законовъ („Обязательства по договорамъ“, т. I, стр. 10; „Полицейское засвидѣтельствованіе подписи за неграмотныхъ“—Юрид. Вѣстн. 1881 г. кн. 5). „Такъ смотреть на дѣло народъ“,—было любимымъ доводомъ Василя Лаврентьевича для оправданія правильности принимаемаго имъ рѣшенія того или иного вопроса.

Въ отношеніи нормъ процессуальныхъ Василій Лаврентьевичъ былъ поклонникомъ теоріи Бюлова—на судѣ права должны принадлежать тяжущимся, а обязанности возлагаются на судъ. „Въ новомъ судѣ“,—говорилъ Василій Лаврентьевичъ въ своей юбилейной рѣчи въ Минскѣ окружномъ судѣ, —„господа и хозяева—тяжущіеся, а судъ—слуга ихъ. Чтò тяжущіеся потребуютъ,—судъ долженъ сдѣлать, но не болѣе. Отсюда проистекаетъ сухость новаго суда: невмѣшательство его въ автономію сторонъ можетъ показаться крайнимъ равнодушіемъ къ ихъ интересамъ; на самомъ же дѣлѣ именно въ этомъ и заключается залогъ его безпристрастія: судъ смотритъ на стрѣлку вѣсовъ, но до чашекъ не дотрогивается“.

Торжество состязательнаго начала и невмѣшательство суда въ самостоятельность сторонъ, по мнѣнію Василя Лаврентьевича, были основными устоями новаго суда, спасавшими его отъ дореформенной волокиты и баснословной медленности. Если судѣ,—

говорить онъ,—предоставить право самому собирать доказательства, то гдѣ же предѣлы этому собираю? По нѣкоторымъ дѣламъ судья можетъ искать доказательства всю жизнь и преемникамъ своимъ завѣщаетъ продолжать изысканія безконечное время (рѣчь на юбилей Минскаго окружнаго суда, стр. 9).

Эту мысль проводилъ Василій Лаврентьевичъ и по частнымъ вопросамъ въ своихъ статьяхъ.

Обсуждая законопроектъ, въ послѣдствіи ставшій закономъ, о правахъ супруговъ, уклонившихся отъ сожителства („Право“ 1912 г., стр. 1), Василій Лаврентьевичъ по поводу предоставленія суду права по собственному усмотрѣнію постановить о допросѣ супруговъ, ихъ родственниковъ и сосѣдей, а равно и другихъ лицъ, замѣчаетъ: „правиломъ этимъ, въ корнѣ подрывается самый существенный устой новаго порядка судопроизводства, тѣмъ именно и заслужившаго довѣріе народонаселенія, что ему чуждо инквизиціонное начало, коимъ отличались дореформенные законы о судопроизводствѣ гражданскомъ“.

17 января 1907 г. В. Л. назначается сенаторомъ Гражданскаго Кассационнаго Департамента. Состоя въ этомъ званіи, Василій Лаврентьевичъ принялъ за правило ежемѣсячно участвовать въ департаментскихъ засѣданіяхъ и горячо относился къ каждому рѣшенію, иногда выступая и въ печати съ критикою новаго рѣшенія. Такъ, онъ съ особой болью относился къ рѣшенію Общаго Собранія 1912 г. № 23 о воспрещеніи китайскому подданному, владѣющему недвижимостью въ Приморской области, завѣщать таковую своему законному наслѣднику, тоже китайскому подданному, въ особенности же—къ рѣшенію Общаго Собранія 1906 г. № 30 о признаніи преждевременными исковъ подрядчиковъ, предъявленныхъ къ казнѣ послѣ полученія окончательнаго расчета, но до выдачи окончательнаго заключенія. И, хотя департаментское рѣшеніе по Гражданскому Кассационному Департаменту того же вопроса имѣетъ помѣтку, что докладчикомъ являлся В. Л., онъ выступаетъ съ рядомъ статей по этому вопросу въ юридическихъ журналахъ, но и на этомъ не можетъ успокоиться, и въ изданной въ 1913 г. книгѣ своей „Особія производствъ“ посвящаетъ горячія строки критикѣ этого рѣшенія Сената. Почти исключительно энергіи В. Л. обязаны мы тѣмъ, что въ 1914 г. вопросъ снова вносится на разсмотрѣніе Общаго Собранія и въ № 4 получаетъ наконецъ правильное рѣшеніе. Предсказывавшіеся В. Л. плоды неправильности рѣшенія 1906 г. № 30

сказались съ такой силой, что оказалось необходимымъ, помимо разъясненія Общаго Собранія, регулировать вопросъ въ законодательномъ порядкѣ путемъ Высочайше утвержденнаго положенія Совѣта Министровъ 22 апрѣля 1915 г.

До конца дней своихъ,—вопреки все́мъ медицинскимъ аксіомамъ,—Василій Лаврентьевичъ горѣлъ живымъ интересомъ къ своему дѣлу, обнаруживая здѣсь совершенно невѣроятную ясность мысли и тонкость анализа.

Старый, хилый, садился В. Л. въ карету, направляясь въ Сенатъ. Съ трудомъ, задыхаясь, дѣлая паузу на каждой ступени, взбирался онъ, держась за перила сенатской лѣстницы. Буквально сгибаясь подъ тяжестью мундира, опустивъ голову, проходилъ онъ въ залъ засѣданія и, измученный, закашляющійся, занималъ свое мѣсто за судейскимъ столомъ. Начинался его докладъ. Этотъ слѣпой старикъ, лишенный возможности даже справиться въ дѣлѣ, на память излагалъ его обстоятельства, доводы сторонъ, сущность рѣшенія и кассационной жалобы. Докладъ былъ сжатый, но не было случая, чтобы сторона осталась недовольной докладомъ и просила его дополнить или исправить. По мѣрѣ раскрытія картины дѣла, крѣпкъ голосъ В. Л., изъ старческаго превращался почти въ молодой, фигура его выпрямлялась, и плавно лилась рѣчь, подчеркивая спорные вопросы и какъ-бы намѣчая рамки для предстоящихъ преній.

Каждое дѣло, о которомъ В. Л. приходилось думать, становилось ему близкимъ, судьба этого дѣла волновала его. За недѣлю до смерти, уже совершенно больной, онъ, мучаясь тѣмъ, что не можетъ принять участіе въ первомъ послѣ лѣта департаментскомъ совѣщаніи, послалъ въ Сенатъ свое мнѣніе по дѣлу, которое не ему предназначалось въ докладъ, съ просьбою напечатать это мнѣніе и разослать сенаторамъ. И, чтобы не взволновать В. Л., отъ него скрыли, что дѣло было рѣшено не согласно съ его мнѣніемъ. А за 20 минутъ до кончины, совершенно задыхаясь и и страшно страдая, онъ потребовалъ отъ сына найти соотвѣтствующее мѣсто въ его книгахъ, касавшееся вопроса, подлежащаго обсужденію въ совѣщательномъ засѣданіи 6 октября, и совершенно бодрымъ голосомъ въ связной рѣчи просилъ дополнить написанное имъ по этому дѣлу и спѣшно переслать оберъ-прокурору. Почти послѣдними его словами были: „Это страшно важный вопросъ, страшно важный“. А вопросъ былъ всего о допустимости для залогодержателя по *безпроцентной* закладной взять въ

свое управленіе недвижимостью послѣ описи ея, согласно 1129 ст. уст. гражд. суд.,—случай крайне рѣдкій въ судебной практикѣ.

Судебные Уставы Императора Александра Второго создали въ Россіи особую корпорацію—корпорацію лицъ судебного вѣдомства. Въ сознаніи величія возложенной на нее задачи, эта корпорація является живымъ организмомъ, озареннымъ священнымъ свѣтомъ хранимыхъ ею традицій. Въ ея традиціяхъ живутъ вѣчною жизнью самоотверженные труженики русскаго правосудія. Въ ея традиціяхъ уже живетъ Василій Лаврентьевичъ Исаченко, и въ преемственныхъ преданіяхъ о немъ зримо и незримо будутъ воспитываться чистые хранители закона и чуткіе проводники народнаго правосознанія.

Покойный Василій Лаврентьевичъ отдалъ суду весь свой могучій умъ и чуткое сердце. А теперь—послѣ кончины—душа его продолжаетъ свою жизнь въ традиціяхъ судебного вѣдомства,—въ этомъ и состоитъ для cadaго изъ насъ разрѣшеніе великой проблемы бессмертія въ условіяхъ земного существованія.

И. Ставровицъ.